

Дом, который врал по утрам

Надежда Моргунова

Надежда Моргунова

Дом, который врал по утрам

<https://litres.ru/74047119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она купила квартиру 56 мая. Плиты не было. Дверь в туалет не закрывалась. Менеджер предложил её сыну конфету за 50 копеек.

Это должен был быть дом. Попытка начать всё заново после того, как её единственное жильё сгорело дотла. Но вместо ключей она получила пустые обещания, гарантийное письмо без подписи и ледяной взгляд Застройщика, который привык, что такие, как она, плачут, но соглашаются.

Но в мире, где дома — живые, ложь имеет свойство материализовываться. Дом 62, в котором сидит Застройщик, стоит на Пустоте. Он питается чужим ожиданием на завтрак. А подвал Дома 60, в который её сын спустился один, пахнет борщом, которого никто не варил.

Там, в подвале, лежит Чёрная Книга. В ней — чертежи реальности, которую у неё украли. Каждая глава этой книги — это новый виток противостояния маленькой женщины и системы, которая не пускает её домой из-за отсутствия плиты.

Это история о том, как предъявлен иск на три миллиона — и о том, как в тот же день рухнул дом, который пять лет всем врал.

Надежда Моргунова

Дом, который врал по утрам

Глава 1. Дом, который врал по утрам.

Дом № 62 врал утром. Он врал, когда солнце ещё не встало, а Женщина из 60-го уже звонила. Солнце в этом районе вообще вставало поздно — оно боялось. Боялось увидеть то, что видела Женщина: холодный алюминиевый профиль, дверь в туалет, которая не закрывалась, и пустое место под варочную панель.

Дом № 62 слушал её голос через стены. Стены у него были тонкие, как бумага ДКП, подписанная в отчаянии. Он слушал и молчал. А когда она клала трубку — скрипел дверьми. Это был его смех.

— Пусть ждёт. Мы заказали. Пять недель. Это не от меня зависит. Все свои люстры сразу ставят.

И его фундамент проседал на полсантиметра от удовольствия.

Дом № 62 был молодой. Пять лет. Но внутри ему было сто. Он родился из бетона и лжи, и ложь была его раствором. Каждая невыполненная клятва — кирпич. Каждое «мы вам перезвоним» — арматура. Он питался чужим ожиданием, и Женщина из 60-го была его любимым блюдом.

Сегодня на завтрак он съел её надежду на плиту. Вчера — на ужин — её веру в дверь, которая закрывается. На обед он планировал её мечту о тёплом балконе, но Женщина не позвонила. Она плакала.

Дом № 62 не любил, когда плачут. Слёзы — это Вода. Вода размывает фундамент. А фундамент у него был и так не очень.

В Доме № 62 жил Застройщик. Он не был человеком. Он был голосом. Голосом в домофоне, в телефоне, в офисе продаж. У него не было лица, но была улыбка. Улыбка шириной в алюминиевый профиль.

Застройщик сидел в самой глубокой квартире Дома № 62 и пил чай из термоса. Чай был холодный, но он говорил, что горячий. Это была его привычка — говорить неправду.

— Плита? — переспросил он у воздуха. — Конечно, будет. Мы заказали. Едет. Где-то в Китае. Или в Красноярске. Или в аду.

Он засмеялся, и смех его был похож на звук открывающейся двери, которая на самом деле не открывается.

Дом № 60 стоит напротив. Между ними было расстояние в один глоток воздуха — и пропасть. Дом № 60 был младше. Он ещё не родился. Он был чертежом, обещанием, пустотой.

Внутри него ходила Женщина. Она трогала стены, и стены были холодные. Она смотрела на дверь в туалет, и дверь смотрела на неё, как предатель. Она стояла на балконе и представляла, как зимой здесь будет снег. Не снаружи —

внутри.

— Это алюминиевый профиль, — сказал менеджер на просмотре. — Зимой тут будет свежо.

— Свежо, — повторила Женщина и заплакала.

Менеджер дал её сыну конфету за 50 копеек.

Мальчик не взял.

Мальчика звали. Ему было восемь. Он не понимал, почему мама плачет. Он думал, что квартира хорошая. В ней было много места для его машинок и для Чёрной книги, которую он ещё не нашёл.

Когда мама плакала, всегда искал, чем ей помочь. В старой квартире, которая сгорела, он помогал ей вытирать пепел с подоконников. В новой — он ещё не знал, что делать. Поэтому он решил спуститься в подвал.

В Доме № 60 подвал был особенный. Дом № 62 не знал о нём. Застройщик не знал. Менеджер не знал. Потому что подвал был не в плане. Его не было в ДКП. Его не было в акте приёма-передачи.

Но он был.

Он открыл дверь в подвал. Она не скрипнула. Она вообще не издала ни звука, как дверь, которая боится, что её заметят.

Лестница была длинная. Лампочки не горели — «все свои люстры сразу ставят». Но он не боялся темноты. Он боялся только одного: маминых слёз.

Внизу пахло мокрым бетоном и старыми обещаниями. Трубы не грели — они нашёптывали. У них были голоса ме-

неджеров:

— Это не от нас зависит...

— Мы заказали...

— Вы согласились с недостатками при подписании...

Он зажал уши. Трубы замолчали. Они не любили, когда их не слушают.

В углу подвала, под кучей строительного мусора, он увидел её.

Книга.

Обложка была чёрная, но не как ночь, а как закрытые глаза. Застёжка — в виде клыка. Клык был тёплый, хотя всё вокруг было холодное, как алюминиевый профиль.

Он взял книгу в руки. Она пахла борщом, который никто не варил. Дымом пожара, которого здесь не было. Мокрой шерстью Свины, которая здесь не ходила.

Он открыл первую страницу.

Там был чертёж.

План этажа. Его этажа. Его квартиры.

На плане была **плита**. Она была нарисована чёрной тушью, и рядом каллиграфическим почерком было подписано: *«Заказана. Будет через 5 недель»*.

А дверь в туалет на плане была **закрыта**.

Он захлопнул книгу. В подвале стало тихо. Даже трубы перестали шептать.

Он не знал, что Книга исполняет правду. Не желания — правду. Ту правду, которая должна быть, но кто-то её украл.

Он взял Книгу под мышку и пошёл наверх, к маме.

Когда он поднимался, ему показалось, что Дом № 60 выдохнул. Бетон стал чуть теплее.

А Дом № 62 в это время перестал скрипеть. Он почуял что-то. Что-то, чего он не понимал. Что-то древнее и острое, как клык.

Застройщик отставил термос.

— Что это? — спросил он у воздуха.

Но воздух не ответил. Воздух был занят — он держал в себе запах борща, дыма и мокрой шерсти.

Дом № 62 впервые за пять лет почувствовал, как его фундамент дрогнул. Не от удовольствия. От страха.

Глава 2. Правда, которая просто есть

Женщина из Дома № 60 вышла на улицу утром. Солнце всё ещё боялось вставать, но она уже не боялась. Она шла в магазин за хлебом, которого не было, и за плитой, которую не привезли. Она просто шла, потому что надо было куда-то идти.

Люди, которые встречались ей на пути, делились на две породы.

Первые — бесноватые. Они начинали биться в истерике сразу, как только видели её. Не через минуту, не через взгляд — мгновенно. Как будто она была не женщиной, а зеркалом, а они не выдерживали своего отражения.

— Ты сама виновата! — кричала одна, хотя Женщина ничего не спрашивала. — Ты сама подожгла! Ты сама подписала! Ты сама не проверила дверь!

Женщина не спорила. Она заметила: бесноватые всегда кричат о том, что сделали сами. Они обвиняли её в поджоге, в спешке, в невнимательности, но каждое их слово пахло пеплом их собственных пожаров. Каждый крик был признанием.

Вторые — хорошие люди. Они проходили мимо и не реагировали никак. Не потому что не замечали — они замечали. Их глаза скользили по ней и уходили в сторону, как вода по алюминиевому профилю. Они не кричали, не плевали, не писали доносов. Но они и не помогали. Они просто шли дальше.

Женщина поняла: хорошие люди — это те, кто ещё не встретил свой пожар. Они ещё не знают, что плиту можно обещать и не поставить. Что дверь может выглядеть закрытой на фото и не закрываться в жизни. Что соседка может плевать в дверь и обвинять в вандализме.

Когда у хороших людей случится пожар — они либо станут бесноватыми, либо поймут. Третьего не дано.

Так Женщина узнала про свой дар. И про своё проклятье. Быть замеченной — это судьба. Одни, глядя на неё, сходили с ума. Другие — не видели ничего. Но и те, и другие подтверждали одно: она существует. Она не призрак. Она — точка, в которой мир ломается и проявляет свою суть.

— Это и дар, и проклятье, — сказала она вслух. — Я как лакмусовая бумажка. Бесноватые синеют от злости. Хорошие остаются белыми от страха. Но никто не остаётся прежним.

Оня шёл рядом и держал под мышкой Чёрную книгу Сви-
ньи. Он не понял про лакмус, но запомнил слово «бумажка». Бумажка — это важно. Бумажка — это то, чего не хватало его маме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.